

УДК 343.12

*Ю.В. Деришев, О.С. Морозова**

В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ С.А. ШЕЙФЕРА О ПУТЯХ ОПТИМИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА УГОЛОВНОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются проблемы, связанные с выработкой общей концепции оптимизации системы участников досудебного производства в уголовном процессе России. На основе выделения основных черт программы совершенствования досудебного производства (формирования тенденций эволюции института; реорганизации его функционально-правового построения; создания режима реальной процессуальной самостоятельности следователя; нивелирования противоречий действия отдельных принципов и др.) авторами предлагаются общие критерии и механизм оптимизации субъектного состава данной фазы уголовного судопроизводства. Определяются предпосылки и направления совершенствования правового статуса ключевых участников, предлагаются решения отдельных законотворческих и правоприменительных проблем. Особому анализу подвергнут вклад профессора Шейфера Семена Абрамовича в решение проблем, связанных с оптимизацией институтов уголовного досудебного производства, влиянием его трудов на формирование научных взглядов современной научной школы отечественной процессуалистики.

Ключевые слова: оптимизация, уголовное досудебное производство, субъектный состав, следователь, прокурор, защитник, потерпевший, подозреваемый, состязательные начала, разделение функций.

*Памяти великого ученого, учителя
и единомышленника.*

Эпоха отечественной уголовно-процессуальной науки, достояние республики [1, с. 16–21] профессор Семен Абрамович Шейфер многие годы плодотворно и неустанно трудился над решением многогранных проблем отечественного судостроительства и судопроизводства. Вместе с тем, что вполне очевидно, наиболее близкими и притягательными для него неизменно оставались проблемы досудебного производства по уголовным делам, «в частности предварительного следствия, возможно, потому, что значительную часть своей жизни он ранее посвятил следственной работе, а впоследствии всегда держал в поле зрения уголовно-процессуальные проблемы деятельности следователя и следственных органов, активно откликаясь на них всегда взвешенными научными трудами и продуманными оценками и предложениями» [2, с. 5].

Так, анализируя отдельные итоги научной дискуссии по направлениям совершенствования досудебного производства, С.А. Шейфер констатировал, что «как и прежде, предварительное следствие остается медлительным, тенденциозным, подверженным обвинительному уклону, штампам доказывания, ориентированным на добывание признания обвиняемого. Научные исследования, многочисленные сообщения средств массовой информации часто рисуют образ следователя как чиновника,

больше озабоченного получением положительных ведомственных показателей своей работы, нежели достижением истины, обеспечением прав участников процесса и не брезгающим порой незаконными приемами приведения к сознанию своей вины» [3, с. 165–166].

Нельзя не признать, что многочисленные труды С.А. Шейфера образовали не только фундамент для исследований уголовного досудебного производства (и не только его), но и определенную ауру для творчества многих ученых. Тень идей ученого не всегда заметно, ненавязчиво, интеллигентно тонко, но принципиально стоит за многими открытиями и продуктивными предложениями в сфере уголовного судопроизводства.

Так, несколько лет назад, в том числе и под влиянием идей С.А. Шейфера, был сделан вывод о том, что оптимизация, применительно к уголовному досудебному производству – это не просто процесс совершенствования досудебного производства, а приведение его системы в оптимальное для всех вовлеченных в уголовный процесс субъектов (всеобщевыгодное) состояние с рациональными и ресурсосберегающими процедурами, что позволит наиболее эффективно решать стоящие перед органами, его осуществляющими, задачи, при неукоснительном обеспечении гарантий прав и интересов личности [4, с. 38].

Ключевой идеей концепции уголовного досудебного производства, как отмечалось, должно высту-

* © Деришев Ю.В., Морозова О.С., 2017

Деришев Юрий Владимирович (derishev.omsk@mail.ru), Морозова Ольга Сергеевна (olga283m@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Омская юридическая академия, 644010, г. Омск, ул. Короленко, 12.

пать синхронное приведение процедурных и функциональных составляющих его системы в наиболее эффективное состояние, адекватное потребностям противостояния современной криминальной угрозе и отвечающее демократическим началам уголовного судопроизводства.

При этом основными чертами концепции (программы) оптимизации (совершенствования) досудебного производства рассматривались: формулирование на основе историко-генетического подхода общих тенденций эволюции отечественного досудебного производства; практическая реализация выводов о судебном характере предварительного следствия; реорганизация функционально-правового построения досудебного производства в контексте действия принципа разделения властей; создание реального режима процессуальной самостоятельности следователя; нейтрализацию противоречий действия отдельных принципов уголовного судопроизводства (презюмции невиновности, состязательности и др.) в предварительных стадиях [5, с. 15].

Особое место в этом процессе занимает оптимизация субъектного состава уголовного досудебного производства, т. е. совершенствование правового статуса участников, которые непосредственно обеспечивают это «целесообразное» или активно способствуют достижению искомого результата. Эти проблемы всегда актуальны как для законодателя, так и для отечественной процессуальной науки и правоприменительной практики. Перманентное совершенствование процессуального статуса участников уголовного судопроизводства вызвано не только пристальным вниманием государства к усилению гарантий прав личности, вовлеченной в уголовный процесс, но и дальнейшим развитием его состязательных начал, которые все больше проникают и в досудебное производство.

В связи с перманентным развитием уголовно-процессуальных отношений фактически процессуальный статус любого участника уголовного досудебного производства требует постоянной корректировки и модернизации. Вместе с тем в настоящей статье речь идет лишь о предпосылках и общей схеме оптимизации субъектного состава уголовного досудебного производства, а также об общих проблемах правового статуса его ключевых участников.

Безусловно, существенно изменилось положение современного следователя, который из «исследователя», которому, согласно ст. 20 УПК РСФСР, предписывалось объективно, полно и всесторонне осуществлять предварительное расследование, превратился в «преследователя» по УПК РФ. Более того, из нормативно автономного субъекта досудебного производства (по УПК РСФСР) следователь трансформировался во второстепенного участника уголовного преследования, лишённого права на принятие самостоятельных решений по большинству узловых вопросов предварительного следствия.

Как известно, следователь закреплен современным законодателем на стороне обвинения и *de jure* потерял обязанность всесторонне исследовать обстоятельства совершенного преступления. Тем самым законодатель подчеркивает розыскной характер его деятельности. Вместе с тем еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. указывалось на недопущение в деятельности следователя обвинительного уклона, а именно: «при производстве следствия следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие».

Как объяснить при этом позицию законодателя, который обязывает следователя-обвинителя, тем не менее, исследовать обстоятельства, исключая или смягчающую уголовную ответственность (ст. 73 УПК РФ). Более того, анализ ряда норм действующего УПК РФ (ч. 1 ст. 33, ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154, ст. 239. 1, ч. 2 ст. 325, ч. 6 ст. 340, например) позволяет судить, что законодатель так или иначе, но ставит перед следователем задачу быть объективным и при осуществлении уголовного преследования исследовать преступление полно и всесторонне.

Предпосылками данной ситуации, как представляется, явилось перерождение предварительного следствия в «прокурорское дознание», а процессуально самостоятельного следователя — в зависимого от прокурора «ведомственного дознавателя» (т. е. следователя только по наименованию), что, в свою очередь, явилось результатом исторического игнорирования правовой природы и предназначения предварительного следствия — предварительного, т. е. досудебного исследования обстоятельств совершенного преступления (чтобы создать в России крепкую судебную власть, нельзя ликвидировать власть следственную).

При этом объективность предварительного следствия и, соответственно, обеспечение доверия к ее результатам достигается за счет деятельности принадлежащего судебной власти следователя-исследователя и отделением власти административной (производство дознания) от власти судебной (производство предварительного следствия). Именно предварительное исследование, а не преследование для русского уголовного процесса всегда рассматривалось основной гарантией законного, объективного и справедливого приговора.

Необходимо признать, что перед профессором С.А. Шейфером всегда стоял принципиальный вопрос: российский следователь — это исследователь или преследователь? [6, с. 34–36].

Вместе с тем вполне очевидно, что по своей гносеологической, правовой, аксиологической и историко-генетической природе следственная власть является производной от власти судебной при полном совпадении их назначения, в связи с чем предварительное следствие есть функция юстиции, а следователь, соответственно, должен рассматриваться

как ее представитель и находится при судебном ведомстве. Любое иное построение следственного аппарата ставит следователя в полную или частичную зависимость от интересов представляемой им ветви власти. Именно принадлежность к судебной власти, целеполагание которой (установление истины) полностью совпадает с назначением предварительного следствия, обеспечивает не только процессуальную самостоятельность следователя, но и является предпосылкой вынесения законного, объективного и справедливого приговора. Возвращение к институту судебного следователя носит как юридический, так и идеологический, социально-политический и организационно-технический характер в плане реформирования уголовного досудебного производства.

Предложенный механизм уголовного досудебного производства уже сам по себе будет способен представлять достаточную гарантию законности и эффективности деятельности по исследованию обстоятельств совершенного преступления и подготовке уголовного дела для рассмотрения и разрешения в суде.

Одними из барометрических показателей состояния состязательности досудебного производства выступают не только процессуальный статус и положение органа предварительного расследования, но и, соответственно, правовая природа его взаимоотношений с прокурором, ведомственным процессуальным руководителем, а также оптимальность соотношения прокурорского надзора и судебного контроля за законностью производства по уголовному делу.

Необходимо признать, что из практически повластного хозяина уголовного преследования прокурор трансформировался в достаточно ординарного участника уголовного судопроизводства, хотя острейшая дискуссия о его месте и роли в уголовном процессе продолжается. Так, любые законопроектные попытки прокуратуры расширить свои полномочия на досудебных стадиях встречаются оппонентами (практически это представители Следственного комитета РФ) крайне агрессивно (порой научно не совсем корректно) и представляются в виде очередного трагического покушения на практически неограниченную следственную власть [7, с. 16–21; 8, с. 20–21; 9, с. 14–19; 10, с. 11].

Один из авторов данных строк всегда выступал против прокурорского надзора за законностью предварительного следствия, но лишь при условии судебной принадлежности следователя. Вместе с тем среди многочисленных нападок на современный прокурорский надзор достаточно внятных, спокойных и объективных объяснений того, чем внутренний контроль (ведомственный, «домашний», «карманный») эффективнее и объективнее внешне (прокурорского) пока не найти.

Оценивая современное состояние взаимоотношений прокурора и руководителя следственного органа, С.А. Шейфер отмечал, что «революция 2007 г.» – «это

только начало глубокой перестройки досудебного производства. Окончательная же его реформа будет возможна при выравнивании статуса различных следственных подразделений, действующих в своем правовом поле, сведением их в единый, независимый, но поднадзорный прокурору следственный орган. Ясно лишь одно – возврат к "прокурорскому дознанию" невозможен» [11, с. 55].

В связи с этим профессор С.А. Шейфер посвятил специальное исследование проблемам соотношения трех основных судопроизводственных властей: следственной, прокурорской и судебной, в том числе в системе современного предварительного расследования [3, с. 86–135].

Как представляется, в основе построения уголовного судопроизводства как части (подсистемы) правоохранительной системы государства должен лежать принцип разделения властей, не допускающий возложения на один орган различных по характеру функций, а также осуществления одной функции органами различных ветвей власти. Это положение должно найти отражение в разграничении уголовно-процессуальных функций обвинения, защиты, расследования, контроля за ним и разрешения дела по существу, что, в свою очередь, при учете отдельных концептуальных положений обеспечит взвешенную инкорпорацию состязательности в уголовное досудебное производство.

В связи с этим прокурор в досудебном производстве должен выступать в разных ролях: при производстве предварительного следствия судебным следователем – исключительно как сторона обвинения, лишенная надзорных полномочий; в досудебном и сокращенном производствах – как процессуальный руководитель уголовного преследования, совмещающий функцию обвинения и надзора за законностью уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Перманентно актуальным остается вопрос о совершенствовании правового статуса потерпевшего, который достаточно часто выступает «заводилой» в уголовном процессе, его права и интересы порой определяют двигательную силу уголовного процесса. Уже поэтому в состязательном процессе потерпевший отнесен законодателем к участникам со стороны обвинения. Вместе с тем, как представляется, слабо исследован вопрос о защитительной деятельности потерпевшего и его представителей (например, разрешение ходатайства о прекращении уголовного дела в отношении обвиняемого) [12, с. 112].

Как представляется, при реализации правозащитной и правотворческой функций современной уголовно-процессуальной политики возникла коллизия между положением ст. 52 Конституции РФ и реальной возможностью государства компенсировать потерпевшему причиненный преступлением вред (при отсутствии в УПК РФ закрепления положения публичности и неотвратимости ответственности; всестороннего, полного и объективного ис-

следования обстоятельств дела; задачи раскрытия всех совершенных преступлений). В связи с этим декларируемая п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, опирающаяся на ст. 52 Конституции РФ, остается без реального механизма правового обеспечения.

И речь идет не только о нераскрытых преступлениях, когда ответчик не установлен. Даже в случае осуждения виновного лица возмещение вреда потерпевшему реально не обеспечивается. Эта задача традиционно воспринимается органами уголовного преследования и правосудия лишь факультативной. Преступление и без ее решения считается раскрытым. Серьезно осложнился гражданский иск в уголовном процессе как основное средство обеспечения (стимулирования) возмещения вреда. Правоприменитель видит в нем существенное препятствие и так основательно забюрократизированному движению по уголовному делу.

Вместе с тем 1 января 2017 года в Республике Казахстан вступил в силу Закон «О Фонде компенсации вреда потерпевшим» [13]. Цель нововведения состоит в регулировании общественных отношений, возникающих в области компенсации вреда потерпевшим от уголовных правонарушений, и в установлении правовых, социальных и организационных основ по ее выплате. Данный закон обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба в случаях и порядке, установленных законом, а также регламентирует механизм выплат и источники пополнения фонда.

С подобным предложением еще в 2012 году выступил и Следственный комитет РФ, предложив законопроект «О потерпевшем от преступлений» [14]. В частности в пояснительной записке отмечается: «В целях обеспечения государственной поддержки потерпевших от преступлений, а также их близких настоящий Федеральный закон определяет принципы защиты и восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов потерпевших от преступлений, а также основы государственной политики в области их правовой, социальной защиты и порядок производства государством компенсационных выплат указанным лицам».

Очевиден акцент на обеспечение прав и интересов лиц, пострадавших от преступлений. Вместе с тем остаются вопросы, связанные с реальной возможностью государства экономически решать данные вопросы. Компаративный анализ свидетельствует о том, что даже достаточно «обеспеченные» государства не могут эффективно решать задачу компенсации вреда, причиненного преступлением.

Как представляется в предложенной выше схеме защитник должен вступать в уголовный процесс при открытии фактического уголовного преследования в отношении конкретного лица и имеет полномочия представлять органу расследования любые сведения

с ходатайством о принятии их в качестве доказательств для приобщения к уголовному делу.

Вместе с тем внутренние противоречия ст. 86 УПК РФ на законодательном уровне не устранены. Данное противоречие обуславливается действием принципа состязательности: *de jure* защитник на стадии предварительного расследования уравнивается по процессуальным возможностям со следователем, но *de facto*, согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ, защитник вправе получать лишь доказательственную информацию, но не готовые доказательства. Определенную тенденцию обозначил Федеральный закон РФ от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ», где был значительно укреплен правовой статус защитника, а именно, законодатель обязал следователя приобщать по ходатайству стороны защиты к материалам уголовного дела доказательства, в том числе заключения специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами [15].

В связи с этим следует в ст. 86 УПК РФ включить требование, согласно которому стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалу уголовного дела собранных им сведений (доказательственной информации).

Мало изучен, на наш взгляд, вопрос об обвинительной деятельности защитника. Защитник подозреваемого (обвиняемого) как участник уголовного процесса со стороны защиты действительно в ряде ситуаций может выполнять и функцию обвинения. Так, интересы его доверителя могут конкурировать с интересами других обвиняемых по делу, и защитник, защищая своего подзащитного, фактически обвиняет других (напр., при защите несовершеннолетнего, вовлеченного в преступную деятельность взрослым обвиняемым). Защитник может выполнять обвинительную функцию и по отношению к потерпевшему, когда последний спровоцировал совершение преступления (напр., доказывание необходимой обороны) [12, с. 111].

Много теоретических и правоприменительных проблем породило реформирование доследственной проверки. Здесь предельно точна В.А. Лазарева: «Беспрецедентное разрастание доследственной проверки, имеющее своим следствием размывание границ между процессуальной и полицейской деятельностью, в значительной мере обусловлено нерешенностью вопроса о месте следственных органов в структуре государственной власти» [16, с. 15]. Лучше и не скажешь! Но пострадал не только следственный аппарат.

Безусловно, одними из самых одиозных продолжают оставаться фигуры подозреваемого и так называемого «заподозренного лица». Но если процессуальный статус подозреваемого лица хоть как-то определен, то законодатель полностью проигнорировал момент формирования и правовой статус «лица, в отношении которого проводится предварительная

проверка», как, впрочем, и иных участников стадии возбуждения уголовного дела.

Комментируя данную ситуацию, А.С. Лизунов отметил, что, расширив инструментарий доследственного производства за счет беспрецедентного увеличения количества возможно проводимых следственных действий, законодатель «весьма поверхностно определил объем правомочий лиц, принимающих участие в данных следственных действиях. Отсутствие четко определенного статуса участников стадии возбуждения уголовного дела не только создает угрозу нарушения прав и законных интересов личности, но и формально блокирует возможность проведения некоторых следственных действий на этом этапе уголовно-процессуальной деятельности» [17, с. 111].

В связи с этим считаем, что любое лицо, подвергнутое уголовному преследованию, подлежит наделению статусом обвиняемого, а именно защищающейся от выдвинутого обвинения стороны, с наступления момента фактического уголовного преследования, т. е. ограничения его прав и свобод любыми мерами уголовно-процессуального принуждения. «Подозрение» и тем более «предположение подозрения» – великие лукавства отечественного законодательства.

Безусловно, далеко не все проблемы формирования концепции оптимизации субъектного состава уголовного досудебного производства подняты в настоящей статье. Очевидны проблемы конкуренции отдельных субъектов (напр., эксперта и специалиста, психолога и педагога), проблемы участия юридических лиц, представителей умершего подозреваемого (обвиняемого) [18; 19] и др. Исследование только начинается.

Библиографический список

1. Деришев Ю. В. Достояние республики // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2 (122). С. 16–21.
2. Шадрин В.С. Вступительная статья // Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 192 с.
3. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 192 с.
4. Николук В.В., Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003. 199 с.
5. Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. 477 с.
6. Шейфер С. А. Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34–36.
7. Боруленков Ю.П. Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных российских реалиях // Уголовное судопроизводство. 2016. № 1. С. 16–21.

8. Багмет А. М. Место и роль принципа процессуальной самостоятельности следователя в уголовном процессе // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 20–22.

9. Цветков Ю.А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14–19.

10. Цветков Ю.А. Битва за место в «пищевой» цепочке // Уголовный процесс. 2016. № 1. С. 11–19.

11. Шейфер С.А. Реформа предварительного следствия: правовой статус и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Государство и право. 2009. № 4. С. 49–55.

12. Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса и субъекты уголовно-процессуальной деятельности // Вестник ОмГУ. Сер.: Право. 2008. № 1. С. 110–118.

13. URL: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premier_ministr_rk/sotsialnoe_obespechenie/id-P1600000267 (дата обращения: 20.11.2017).

14. URL: <https://rg.ru/2012/02/24/poterpevshie-site-dok.html> (дата обращения: 20.11.2017).

15. Российская газета. 2017. 19 апр. Фед. вып. № 7249 (83).

16. Лазарева В.А. Доследственная проверка // Уголовное судопроизводство. 2016. № 4. С. 11–16.

17. Лизунов А. С. Доследственная проверка как часть досудебного производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. 33 с.

18. Уголовное дело № 1-44 (2015) 37 // Архив Исылькульского городского суда Омской области за 2015 г.

19. Уголовное дело № 1-190 (2012 г.) // Архив Омского районного суда Омской области за 2012 г.

References

1. Derishev Yu.V. Dostoianie respubliki [Property of the Republic]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 11/2 (122), pp. 16–21 [in Russian].
2. Shadrin V.S. Vstupitel'naia stat'ia [Prolusion]. In: Sheifer S.A. Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiia sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoj vlasti: monografiia [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power: monograph]. M.: Norma, Infra-M, 2013, 192 p. [in Russian]
3. Sheifer S.A. Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiia sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoj vlasti: monografiia [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power: monograph]. M.: Norma, Infra-M, 2013, 192 p. [in Russian]
4. Nikolyuk V.V., Derishev Yu.V. Optimizatsiia dosudebnogo proizvodstva v ugovolnom protsesse Rossii: Monografiia [Optimization of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia: monograph]. Krasnoyarsk: Sibirskii iuridicheskii institut MVD Rossii, 2003, 199 p. [in Russian].
5. Derishev Yu.V. Ugolovnoe dosudebnoe proizvodstvo: kontseptsii protsedurnogo i funktsional'no-pravovogo postroeniia. dis. ... dokt. iurid. nauk [Criminal pre-trial proceedings: the concept of procedural and functional-legal construction. Doctor of Law's thesis]. Omsk, 2005, 477 p. [in Russian].

6. Sheifer S.A. Rossiiskii sledovatel' – issledovatel' ili presledovatel'?: [Is the Russian investigator a researcher or a persecutor?]. Rossiiskaia iustitsiia [Russian Justitia], 2010, no. 11, pp. 34–36 [in Russian].

7. Borulenkov Yu.P. Prizyvy k likvidatsii predvaritel'nogo sledstviia ne osnovany na sovremennykh rossiiskikh realiiakh [Appeals to liquidate the preliminary investigation are not based on modern Russian realities]. Uголовное судопроизводство [Criminal Judicial Proceedings], 2016, no. 1, pp. 16–21 [in Russian].

8. Bagmet A.M. Mesto i rol' printsipa protsessual'noi samostoiatel'nosti sledovatel'ia v uголовном protsesse [Place and role of the principle of procedural independence of the investigator in criminal proceedings]. Rossiiskaia iustitsiia [Russian Justitia], 2014, no. 5, pp. 20–22 [in Russian].

9. Tsvetkov Yu.A. Krizis sotsial'no-pravovoi identichnosti sledovatel'ia i prokurora [Crisis of social and legal identity of the investigator and the prosecutor]. Uголовное судопроизводство [Criminal Judicial Proceedings], 2014, no. 1, pp. 14–19 [in Russian].

10. Tsvetkov Yu.A. Bitva za mesto v «pishchevoi» tsepochke [The battle for a place in the «food» chain]. Uголовnyi protsess [Criminal Process], 2016, no. 1, pp. 11–19 [in Russian].

11. Sheifer S.A. Reforma predvaritel'nogo sledstviia: pravovoi status i vzaimootnosheniia prokurora i rukovoditel'ia sledstvennogo organa [Reform of the preliminary investigation: legal status and relationship of the prosecutor and the head of the investigative body]. Gosudarstvo i pravo [State and Law], 2009, no. 4, pp. 49–55 [in Russian].

12. Yakimovich Yu.K. Uchastniki uголовного protsessa i sub'ekty uголовно-protsessual'noi deiatel'nosti [Participants in criminal proceedings and subjects of criminal procedure activity].

Vestnik OmGU. Seriya. Pravo [Herald of Omsk University. Series «Law»], 2008, no. 1, pp. 110–118 [in Russian].

13. Retrieved from: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazhstan_premier_ministr_rk/sotsialnoe_obespechenie/id-P1600000267/ (accessed 20.11.2017) [in Russian].

14. Retrieved from: <https://rg.ru/2012/02/24/poterpevshie-site-dok.html> (accessed 20.11.2017) [in Russian]

15. Rossiiskaia gazeta. Federal Issue no. 7249 (83). April 19, 2017 [in Russian].

16. Lazareva V.A. Dosledstvennaia proverka [Pre-investigation check]. Uголовное судопроизводство [Criminal Judicial Proceedings], 2016, no. 4, pp. 11–16 [in Russian].

17. Lizunov A.S. Dosledstvennaia proverka kak chast' dosudebnogo proizvodstva. Avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Pre-investigation check as a part of pre-trial proceedings. Author's abstract of Candidate's of Law thesis]. N. Novgorod, 2017, 33 p. [in Russian].

18. Uголовное дело № 1-44 (2015) 37 [Criminal case № 1-44 (2015) 37]. In: Arkhiv Isil'kul'skogo gorodskogo suda, Omskoi oblasti za 2015 g. [Archive of Isilkul City Court, Omsk Region for 2015] [in Russian].

19. Uголовное дело №№ 1-190 (2012 г.) [Criminal case № 1-190 (2012 г.)]. In: Arkhiv Omskogo raionnogo suda Omskoi oblasti za 2012 g. [Archive of Omsk district court of the Omsk Region for 2012] [in Russian].

*Yu.V. Derishev, O.S. Morozova**

IN THE DEVELOPMENT OF THE IDEAS OF S.A. SHEIFER ON THE WAYS TO OPTIMIZE THE SUBJECT COMPOSITION OF CRIMINAL PRE-TRIAL PRODUCTION

The article deals with the problems associated with the development of a general concept of optimization of the system of participants in pre-trial proceedings in the criminal process in Russia. On the basis of highlighting the basic features of the program for improving pre-trial production (the formation of trends in the evolution of the institution, the reorganization of its functional and legal structure, the creation of a regime of real procedural independence of the investigator, leveling the contradictions in the operation of individual principles, etc.), the authors propose general criteria and a mechanism for optimizing the subject composition of this phase of criminal legal proceedings. The prerequisites and directions for improving the legal status of key participants are determined, and solutions of certain legislative and law enforcement problems are proposed. A special analysis is devoted to the contribution of Professor Sheifer Semyon Abramovich to the solution of problems related to the optimization of the institutions of criminal pre-trial production, the influence of his writings on the formation of the scientific views of the modern scientific school of domestic processivism.

Key words: optimization, criminal pre-trial proceedings, subject matter, investigator, prosecutor, defender, victim, suspect, adversarial principles, division of functions.

* *Derishev Yuriy Vladimirovich* (derishev.omsk@mail.ru), *Morozova Olga Sergeevna* (olga283m@mail.ru), Department of Criminal Process and Criminalistics, Omsk Law Academy, 12, Korolenko Street, Omsk, 644010, Russian Federation.